

ИЗ ПЕРЕПИСКИ П. С. БОРАНЕЦКОГО И К. А. ЧХЕИДЗЕ

К. А. ЧХЕИДЗЕ — П. С. БОРАНЕЦКОМУ
21 марта 1932. Прага

21—III—1932

Многоуважаемый
Петр Степанович!

<.....>Что касается моего участия в журнале¹, то Вы сами сделали его невозможным, заняв враждебную позицию к Евразийству. Вы нас *ругаете* и при этом очень неподходящим тоном...² Что касается меня, то я, несмотря на весьма малую конкретность содержания III России, отношусь к ней с признанием и симпатией. Считаю журнал в целом, несмотря на значительные недочеты, явлением положительным. Но вот что «мне в вас не нравится!» — Почти все вы, авторы 3-ей России (а особенно Вы лично), обильно пользуясь не только идеями, но и терминологией Евразийства, — не только не ссылаетесь на него, но, наоборот, самым неожиданным и, местами, немилым способом отбрыкиваетесь от источника своих вдохновений (обратите особое внимание на стр. 6 и 7)³. Укрывательство за «европо-азиатскую» территорию» вносит даже элемент комического; см. Большую и Малую советскую энциклопедию — даже там, в СССР уже усвоили нашу терминологию на этот счет. Так же и советское радио часто говорит о Евразии, а не Европо-Азии. Я мог бы умножить примеры, но не стану этого делать, во-первых потому, что боюсь вызвать в Вас ревность и раздражение; во-вторых потому, что, в конце-то концов, Евразийство работает над идеологией будущей России не для того, чтобы держать ее в футляре, но для того, чтобы она, подобно живой воде, растекалась всюду, где и как только возможно... Но если я могу так относиться к «своему», к евразийству, то, переходя к Федоровству, не могу не задать Вам некоторых вопросов. Прежде всего скажу, что Ваша статья «В поисках нового мирозерцания» — великолепно. Написано глубоко, сильно, даже мощно. Говорю откровенно, как, впрочем, и всегда. Но мне кажется, что

когда человек берет чужую идею — ему необходимо всегда сказать об этом. Разве *моя* работа станет хуже от того, что я включил в нее элементы не-свои? *Моя* работа останется *вечно моей*... Страницы 64, 65 и особенно 67 — это ведь красивый пересказ федоровских идей⁴ — плюс кое-что от идеи становящегося Бога Н. А. Бердяева, Вашего нынешнего учителя (если еще не разошлись). Замечу, что, состоя в переписке с некоторыми федоровцами⁵, я знаю, что иногда они, по соображениям тактическим, предпочитают, чтобы источник идей НЕ объяснялся. Так что, если и Вы находитесь в положении популяризатора Федорова, которого просили не открывать источника, — то мне надо поставить точку и умолкнуть. Если же Вы, развивая учение Федорова, умолчали об отце его по каким-либо другим причинам, — я очень просил бы сообщить об этом мне (разумеется, если Вы найдете это возможным). Наконец, есть еще одно предположение: что Вы пришли к идеям Федорова совершенно независимо от него — своим оригинальным путем. Это невероятно, но возможно. Тогда надо спросить Вас: неужели же никто Вам не сказал, что *Ваши* идеи — совершенно совпадают с идеями Федорова. Неужели, узнав об этом обстоятельстве, Вы не захотели оградить себя от всяких недоразумений маленькой ссылкой на то, что у Вас есть предшественник в русской религиозной философии?!?!?!

Вот видите — какое количество вопросительных знаков. Очень, очень хотел бы получить от Вас обстоятельный ответ, написанный читательно!

П. С. БОРАНЕЦКИЙ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

Между 24 и 29 марта 1932. Париж

<...> Вы обвиняете нас в заимствованиях у евразийства без указания источника. Но дело в том, что мы не брали наших заимствований из *вторых рук*, каковыми является для нас евразийство, а поскольку брали, то брали их из первоисточника. Ведь большинство Ваших основных идей имеются у славянофилов, Леонтьева, Достоевского, того же Федорова, Шпенглера, — здесь в эмиграции — у сменовеховцев, Бердяева и т. д. и т. д. Мы употребили термин «европо-азиатский» потому, что «евразийский» имеет привкус партийной клички. Ведь, например, и Вы — признаете социальную правду, однако же избегаете себя называть «социалистами». И неважно, что это слово не Вы создали, а только использовали, как, например, Вы тоже только использовали слово «идеократия», существовавшее давно в словаре иностранных слов. Ново в евразийстве сочетание, т. е. комбинация из этих старых элементов, но сказать, что в этом смысле «Третья» Росо-

сия» представляет плагиат, было бы по меньшей мере неосновательно. Конечно, мы родственники, но так же как родственники с фашизмом, нацизмом-социализмом, нашим славянофильством и т. д.

Теперь перейдем к Вашим обвинениям меня почти что в плагиате. Следовало бы, К. А., все же несколько подумать, прежде чем высказывать те обвинения, которые столь несообразны, что я даже не уверен в их искренности. Да читали ли Вы Федорова?! Я думаю, что нет. Мне родствен дух Федорова, но это дух всей нашей Эпохи, всей современной культуры, дух пятилетки, социалистических чаяний и утопий. Но что касается учения Федорова, то, к сожалению, я не могу считать себя его единомышленником. Говорю, к сожалению, потому что это укрепило бы меня в моих убеждениях на этот счет. У Федорова «воскрешение мертвых», что мне представляется вздорной полуматериалистической, полухристианской утопией. В моей статье говорится о воскресении и воскрешении *Бога*; отсюда не «регуляция природы» — что мне представляется в значительной мере уже выполненной миссией западно-европейской цивилизации, а «организация истории». У Федорова все, к сожалению, на христианстве, я же не считаю себя христианином. Конечно, при желании, можно было бы найти кое-что общее, но в том, что объединяет всю современную мысль, — впрочем, это уже граничит со смешным. А потом, Вы знаете, что, в известном смысле, вся современная наука есть уже у Аристотеля. Но в этом смысле я признаю свою прямую или косвенную зависимость от всех творцов современной науки и философии, поскольку я читал их. Все, К. А., даже Кант, Гегель не начинали сызнова философии, а продолжали ее, все мы прежде учимся, всю жизнь читаем, ведь существует культура философии и науки. Конечно, не в этих заимствованиях Вы меня обвиняете, а очевидно, в том, что есть своеобразного у Федорова, но в этом, к сожалению, я ничего общего не имею с этим великим, хотя и сумбурным мыслителем. Я уже не буду говорить о заимствованиях мною идеи «Становящегося Бога» у... Бердяева. — Вы это серьезно говорите. Ну, Вы бы сказали у Фихте, Гегеля, отчасти Соловьева, но в совсем другом смысле, так что: кроме подобия самого слова, ничего нет. Но у Бердяева, если Вы его всего читали, Вы даже термина такого не встретите. Как раз наоборот, Бердяев — в семинаре которого я участвую, — всегда критикует мои религиозно-философские убеждения. Кстати, при всем моем уважении и личной симпатии к Бердяеву, — я его «учеником» никогда не был, хотя и теперь участвую в его семинаре и высоко чту его заслуги в области философии и публицистики. <...>

В заключение во избежание того, чтоб Вы меня не поняли недолжным образом, я должен сказать, что несмотря на Ваши многие

евразийские заблуждения, с которыми я буду бороться, — я остаюсь самого лучшего мнения о Вас лично. Мне был и остался симпатичным самый тип Ваших дарований и душевных свойств, — настолько, что я буду делать все зависящее от меня, чтоб ощущать Вас «близким человеком», если не в общественно-политическом отношении, то хотя бы в личном.

Привет, пишете.

С сов<ершенным> почт<ением>

Баранецкий⁶.

Р. С. На этот раз, я надеюсь, Вы меня читаете без затруднений?!

PPSS. Я выступал неоднократно и с докладами и в прениях в разных и очень компетентных в этих вопросах кругах и кружках, но странно, что еще никто не отметил моей близости с Федоровым; с тем, что делается в России теперь, — да, — и в значительной мере это верно. Большевики делают Негатив того, что я пытаюсь понять как Позитив.

Видят в моих взглядах «какое-то ницшеанство», «демонизм» («мораль гордости», свобода как «могущество», возвеличение человека и пр. — но это тоже вздор. И это обычное явление — наклеивать ярлычки, на что не следует обращать внимания, если это не сопровождается какими-либо *оскорбительными подозрениями*, как это имеет место в Вашем письме.

Статья, о которой Вы пишете, — *выборка* — из большой религиозно-философской работы, над которой я уже 6—7 лет работаю и буду, думаю, работать всю жизнь⁷, публично выступая с отдельными выборками, как и теперь. Я не охотно посвящаю кого бы то ни было в эту область интересов, — помимо прочего — все это еще вопросы, — притом в сыром виде. Одновременно я работаю над собой. — Это моя система — самостоятельная мысль и учеба, учеба и самостоятельная мысль. Тем не менее, если мне представится возможность, — начерчу по крайней мере общие контуры замысла и «достижений» этой работы.

К. А. ЧХЕИДЗЕ — П. С. БОРАНЕЦКОМУ

1 апреля 1932. Прага

1—IV—1932

Дорогой Петр Степанович,

называю Вас так, потому что мне дорого уже то, что Вы так *ищете* и так искренно пытаете истину, или — как говорит апостол, «все испытайте, Духа правды держитесь»^{7а}. — Итак, спасибо за письмо. Оно, действительно, написано со вниманием к глазам читателя. Мне хотелось бы ответить на него с указанием страниц

и годов изданий, но сделаю это позже. Покажу Вам, милый мой собеседник, что хотя идеи, о которых Вы говорите, и «носятся в воздухе», но подлинная и полновесная конкретизация все-таки принадлежат Федорову и ... Евразийству. Так же и идея становящегося Бога выражена с большой силой Н. А. Бердяевым, если не ошибаюсь, в книге «Смысл истории». Что Вы предпочитаете — лично ли спросить его об этом, или чтобы я пошел в библиотеку, нашел эту книгу, сделал выписки и переслал их Вам? — Я даю согласие на оба варианта.

Разумеется, ни одной минуты я не думал о Вас оскорбляюще. В этом даю слово. Ссылаюсь на свое письмо, в котором — по Вашему мнению — такое количество знаков препинаний, что ничего, кроме этих знаков, Вы и не заметили. А между тем — во-первых, я допускал, что *Вы сами* могли своим умом дойти до идей, о которых идет речь; во-вторых, я предвидел, что Вы возревнуете и начнете говорить то, о чем Вы, в действительности, и заговорили. <...>

Шлю Вам много приветов. Где и как работаете? — Если можно, обрисуйте мне характер отношений «Тр<етьей> России» и «Утверждений». Ваше отношение к «Нов<ому> Граду». К Устрялову. К Федоровцам. Если можно, пришлите мне еще два-три экземпляра «Третьей России». У меня просят их очень дельные современники наши. В обмен пришлю Вам то, что Вас более интересует из ЕА литературы.

Крепко жму руку. Рад был бы услышать положительные ответы на свои вопрошания и недоумевания.

П. С. БОРАНЕЦКИЙ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

Конец апреля 1932. Париж

Многоуважаемый Константин Александрович,

Извините, что не ответил сразу на Ваше письмо, но я был так занят, что и не заметил, что уже прошло много времени. Вообще, нечувствие времени во мне опасная черта, с т<очки> зрения внешней организационной работы. Это напоминает какой-то сон, который прерывается, лишь когда извне приходит какой-нибудь толчок. Мне вот казалось, что недавно было Ваше последнее письмо, а оказывается, в самом деле уже давно. Готовимся ко второму номеру. Много есть материалу, но мало интересного. Какая грандиозная, «интересная» эпоха и как в сущности мало интересного из того, что говорится и пишется в это время. Вот и у нас в «Т<ретьей> России». Из развернутой в первом номере проблематики, казалось бы, есть о чем писать, а пишут всякий вздор. При этом, что еще хуже, часто вздор умный и ученый. Вы пишете не учено

(не говорю — не умно), но интересно. Это потому, что Вы ощущаете загорающуюся в мире новую эпоху. Но вот странно, что и Вы носите с Христосиком за пазухой. Да еще и меня поздравляете. Бросьте, Конст<антин> Александрович. Поверьте мне, что Вы сами выше этой религии старушек (обоего пола). Неужели Вы думаете, что с этим Христосиком за пазухой можно по-новому организовать этот современный наш, грандиозный, страшный и величественный мир. Я думаю, что можно, но идя к нему с именем Нового Бога, что и явится сердцевиной нашего русского мессианства. В таком духе был построен мой доклад⁸, о котором Вы спрашиваете. На днях будет контрдоклад Мережковского в качестве продолжения прений. Характерно, что именно *по-христиански* мне никто не возражал, хотя были очень умные, очень обстоятельные возражения, представленные христианскими. Я и говорю, что в наше время уже нет христиан, — не в смысле осуждения говорю, наоборот, а в смысле нового стиля человека. И Вы, евразийцы, конечно же, не христиане. Не сознавая того, Вы, так же как и я, поклоняетесь не «Распятому», а Становящемуся, не Богу отрицания мира, а преображения мира. Поэтому моя борьба с Вами, евразийцами, борьба не внешнего, а, т<ак> с<казать>, внутреннего характера, борьба не на уничтожение, а на выпрямление, очищение. Ведь спор между нами — это «спор между славянами», между своими. Как Вы все не поняли этого, и в частности Вы. Ведь борются даже в пределах одной и той же партии, больше того, даже одной и той же фракции! Почему же мы не должны друг с другом бороться, оставаясь в главном друзьями?! Тем более что все мы в состоянии «становления», когда неизбежно должно оставаться много неясного, случайного, кривого, чуждого. Вот и я — я борюсь не с евразийством в целом, — поймите, наконец, это, а [с] отдельными элементами внутри евразийства, как, например, с Вашей поповщиной, означающей реакцию, мракобесие — в самом святом святых нашего общего формирующего Нового мирозерцания — в области духа. Как Вы не понимаете, что раз мы все утверждаем *примат* духовного над материальным, то следовательно, будучи реакцией в области этого духовного, мы — реакция в самом главном, в основном, в определяющем? Подумайте об этом со всей «интеллектуальной честностью» и смелостью. <...>

К. А. ЧХЕИДЗЕ — П. С. БОРАНЕЦКОМУ

20 ноября 1932. Прага

20—XI—32

Дорогой Петр Степанович! Называю Вас «дорогим» не из пошлости, не из принятости, а вполне сознательно. Мне *действитель-*

но дорого, что существуете Вы и что Вы — Вы. Со всеми Вашими углами, изломами, неправильностями, с Вашим — не сердитесь (знаю: не будете сердиться) — сумбуром и Вашей смелостью. Почти год, или около года, письмо Ваше лежало на моем столе⁹. Часто — не менее десятка раз — возвращался к нему. Но до сей минуты меня не влекло отвечать на него. Сейчас мне кажется, я смогу ответить достаточно определенно и совсем не резко; так ответить, чтобы мы могли еще и еще вернуться к занимающим нас темам. По правде говоря, я не писал Вам, так как Ваше отношение ко Христу и христианству покорило меня. Ругаться не хотелось, писать же вежливо, без брани — до этого часа — не мог. На этом и закончу «предисловие».

Спасибо за № 2 «Тр<етьей> России». <...> Ясно, что больше всего меня заинтересовала Ваша работа о мировоззрении¹⁰. Читал ее с большим вниманием, поверьте, что так. Многое из выраженного Вами разделяется мною, как и другими евразийцами. Но есть вещи, против которых надо возражать — ради самих же Вас. Центр Ваших взглядов основан на трагическом недоразумении или незнании — Вашем незнании. Вы приписываете христианству то, что хотите ему приписать, и отнимаете от него то, что хотите отнять. А отняв, вносите некоторое количество субъективных моментов, кое-где меняете терминологию — и вот, готово титаническое мировоззрение. Как Вам угодно — но я берусь доказать, что говоримое мною — вполне соответствует действительности.

Вы (и в письме ко мне, и в наших беседах, и в статьях) различаете мировоззрение статическое, при котором люди заранее признают свое бессилие, при котором люди ожидают благодатных свершений и пр., и называете это воззрение христианским; и различаете воззрение динамическое — когда люди стремятся к преобразованию мира, к осуществлению идеала. Это воззрение Вы называете *титаническим*. Но ведь, друг мой, оба эти воззрения суть разные стороны и разные толкования христианства! Вы скверно-матерно ругаете христианство, но немедленно же выдвигаете против него... христианство же, но другую его сторону. Неужели Вы не знаете, что идею божественности человека дало христианство? — причем всякого человека! Человек — сын Божий. Ведь Вы знаете — кто и когда это сказал? — Так что первая Ваша мысль — есть мысль сугубо христианская. А дальше: сердцевина всего учения о преобразении мира! — Кто учил о «новой земле и новых небесах»? Ведь не Баранецкий же первый сказал об этом? — Вы основываете на этой чисто христианской идее свой титанизм, но отрываетесь от материнского своего лона... Еще дальше: о способности человека возвыситься до состояния божественности. Разве Вам неизвестен призыв: *будьте* совершенны, как совершен Отец ваш Небесный...¹¹ Что это? — Тут сказано все — и то, что че-

ловек сын Божий, и то, что его призвание в совершенствовании, и то, что связь между «землей» и «небом» ясна и очевидна и т. д. Что касается конечного пункта титанического воззрения, учения о преодолении смерти, то опять-таки надо же знать, что Евангелие — есть Благая Весть. О чем Благая Весть? — да именно о том, что смерть преодолена; что смерти не будет, что жизнь попрет смерть и восторжествует. Как можно забывать эти азы *Вам* — заметьте! я не говорю: «как можно вообще забывать эти азы», ибо знаю, что они забыты... Наконец, Вы берете слово Спасение — как бы не зная, что едва ли не главное определение Христа — Спаситель. Спаситель от чего? — Ведь знаете, надеюсь, от чего! — Но если знаете, то как же поднимается рука Ваша и как поворачивается язык писать и говорить то, что Вы пишете и говорите. — Замечу, что отнюдь не отождествляю синодальное православие или отдельные части Писания с тем, что называю христианством. Согласен, что историческое христианство порою не только не христианство, но прямо антихристианство. Но наша задача в том и заключается — как я думаю, чтобы очистить истинное от ложного, воспламенить пламя, способное переплавить мир, и отбросить шлак, накопившийся веками. Масса подробностей могли бы еще сильнее уточнить мою мысль. Напр<имер>, вопрос о вавилон<ской> башне, которую Вы реабилитируете. В чем гибельность этого дела? Неужто неясно — неясно *сейчас*? неясно Вам, метающему грома против атеистического материализма? Но ведь башня в том и состояла, что строилась она «во имя свое», — строилась так, как строят Ярославские-Губельманы, Кагановичи, Кировы и пр. Тут отнюдь не титанизм, а мелкое человеческое своеволие, отрекающееся от связи с божественным началом мира.

Далее. Вы подсовываете христианству то, что составляет болезнь христианства, а именно — обскурантизм! Учение Христа совершенно ясно в этом пункте. Он говорил: идите и *научите*... Он боролся с болезнью, скудостью, смертью. Он провещал и — как известно — свет Христов просвещает всех!!! — Вся символика Христовой жизни — есть преобразование земли и человека. И если невежество отдельных веков или отдельных христианских деятелей — даже народов — даже культур — извратило христианство, то задача не в том, чтобы попирать доброе и злое, но в том, чтобы одно отделить от другого! Н. Ф. Федоров, которым Вы питаетесь и на которого порою ссылаетесь¹², — лучше, чем кто-нибудь, знал, что культура, преобразование не только не противоречит христианству, но составляет самую его суть!!! Это же ужасно, милый Петр Степанович, если правда, что никто Вам не возражал с точки зрения христианства (на Вашем докладе).

Относительно аскетизма — Вы повторяете бабушкины сказки, берете на веру рассказы, подслушанные у попадых, да и то дере-

венских, и потом торжественно громите аскетов. Дайте себе труд заглянуть в глубину этого явления. Знаете ли Вы, что значит, напр<имер>, самое слово аскеза? Слово аскеза происходит от аскео, что значит искусно, то есть старательно и с умением обрабатывать грубый материал и постоянно в этом упражняться! Вы брыкаете аскета словом «отшельник» и думаете, что уже все сказано и разрешено. Но это производит смешное впечатление! Аскет — преобразователь по преимуществу. Если аскетизм извратился, то виноват не он сам, как великая идея, а виноват невежественный, гнусный, слабый, ленивый, смертный, смердящий человек. Вы говорите о *величии* человека. Какое может быть у человека (нормального человека, непреображенного, непреображающегося) величие, когда он принужден потеть, носить в себе помойную яму, хуже того — носить в себе такую мерзость, о которой в порядочном обществе и думать запрещено. Так вот, порыв к аскетизму, даже самому примитивному, — есть порыв ввысь, порыв к преобразению. Но аскетизм не примитивный, а подлинный и глубокий — есть один из путей (не единственный) к подлинному преобразению мира. И совершенно незаслуженно, напрасно и с риском стать в весьма нехорошую позу, Вы походя «бьете» аскетизм, а рядом — уже совсем нехорошо — обрушиваетесь на натурализм Федорова. Я-то думаю — что словечко «натурализм» (применительно к Федорову) Вы позаимствовали от кого-нибудь из парижан — вроде Мережковского. Не так ли? Вообще вся 60-ая страница — это недостойное Вас глумление над гением Федоровым¹³, тем гением, который — как я не раз отмечал — создал Вас самих... Как Вы можете говорить «безвкусная фантастика в духе Ж. Верна»??? Это до такой степени возмутительно, что надо перестать сердиться и сказать Вам, что нельзя бить учителя по ланитам.

Итак, вот итог. 1. Ваше титаническое воззрение есть небольшой и не всегда продуманный кусочек христианского воззрения (у Вас есть некоторые нелепицы и противоречия, писать о которых нет времени, да и книжку отдал приятелю... но обещаю в будущем привести Ваши противоречия, чтобы не быть голословным). 2. Христианское воззрение — это вовсе не есть историческое (историческое?) христианство. Именно в России, где не было догматического богословия, или — если такое и было — где догматическое богословие не имело решающего влияния на душу и идеалы мыслящего слоя, — именно в России, стране Достоевского, Леонтьева, Толстого, Соловьева, Ал. Блока, А. Белого, Розанова, Ионы Брихничева, Есенина, Хлебникова, Маяковского... — где чуть не каждый сильный автор чуть не пророк, — в этой стране, говорю я, христианство понимается и чувствуется так необычно, так глубоко, своеобразно и по-разному — что прямо непонятно: с каких идейных потолков Вы берете свои не то что *спорные* «исти-

ны», но бесспорные нереальности? — Новая идея России — без сомнения — вырастает из христианства. И ваш третьероссийский росток не является противоречием сказанному. З. Что касается Н. Ф. Федорова, то он — гениальный комментарий к божественному учению Христа. И чем ближе Вы стоите к Федорову (а Вы все время приближаетесь к нему), тем Вы ближе к... христианству.

Быть может, уместно вспомнить Гегеля? — кажется, он говорил о хитростях исторического разума, прибегающего к уловкам для достижения искомого результата? — Помните?.. Как бы там ни было — повторяю: очень ценю Вас, интересуюсь Вами, благодарю за внимание и рассчитываю и впредь иметь его. Одного боюсь — как бы Вам не скатиться в религиозную реакцию. Ибо то, что Вы сейчас делаете, есть революция духа. В настоящий момент Вы стоите в традиции тех духовных революционеров, чьи имена я привел выше. Трудно держаться на такой высоте. Не скатитесь, дорогой Петр Степанович. Перед Вами самая большая опасность — скат к той квази-христианской исторической традиции, которую Вы ошибочно принимаете за христианство, с которой боретесь, но которая имеет то преимущество, что она как бы признается истиной... в ней легко можно найти успокоение переутомленной «титаническими» утверждениями душе. Надеюсь — с Вами этого не случится, но по долгу соратника хочу предупредить о опасностях.

П. С. БОРАНЕЦКИЙ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

Декабрь 1932. Париж

<...> Вы пишете, что мои религиозные искания возвращаются все же, так сказать, в пределах духовной территории христианства. Это не так. Верно то, что они включают его, пытаюсь, однако, выйти далеко за его пределы. Я убежден абсолютно, что проблема Новой России и в ее лице Нового Мира — это не только проблема новой культуры и новых общ^{ественных} форм жизни, но и проблема Нового религиозного сознания, «Новой религии», если угодно. Речь действительно идет в известном смысле о новом «Третьем Завете». Но подобно тому, как «Второй Завет» явился не только продолжением, но и отрицанием первого — между ними ведь стоит миф распятия Христа (распяли представители I завета), — точно так же и Т^{ретий} Завет, т. е. дальнейшее развитие мирового рел^{игиозного} сознания, должен явиться не только продолжением, но и отрицанием Второго Завета, т. е. изжитой стадии рел^{игиозного} сознания. В соответствии с этим я в одних элементах принимаю христианство, но в других отрицаю его. И т^{ак} к^{ак} христианство есть, хоть и не полный и во многих своих положениях отрицательный организм, но организм целостный, то

поэтому нужно его или целиком принять, или целиком отвергнуть. Совесть моя мне не позволяет избрать первое, и я избираю второе.

Несколько непоследовательным является, когда во главу угла своей идеологии христианство полагаете Вы. Ведь «Евразия» это целый мир — Востока и Запада, как же можно объединить его на столь узком базисе, как Православие? А потом — и это главное: неужели так-так все здесь благополучно; неужели ничего не говорят ни страшные вулканические события, которые лавой своей и пеплом заволокли соврем^{енную} Россию. А ведь несомненно же, что в своем святой святых эти события своим духовным, сокровенным острием направлены против христи^{анст}ва: Вы — которые готовы мужественно взглянуть в лицо любому факту из того, что теперь делается «там», — что Вы сделаете с этим грандиозным и величайшим фактом, который образует собой средоточие и последнюю глубину великих событий?! И потом, какая же Новая Земля (а ведь и Вы к ней стремитесь, так же, как и я), если «Небо» старое?! Ведь именно для нас, не материалистов, должно быть очевидно, что не может быть внешнего материального порога без внутреннего, духовного.

Вы можете со мной не согласиться, но отказать мне в бесстрашной последовательности Вы не можете. В последовательности мое главное преимущество, и если угодно, моя сила. В этом сила большевиков среди других им родственных течений, слабость которых в непоследовательности. Я дорожу особенно этим своим «преимуществом» потому, что еще нахожусь в творческой стадии своего развития, я т^{ак} с^{казать}, еще «ищу». А тот не найдет ничего нового, кто ничего не потерял старого. <...>

П. С. БОРАНЕЦКИЙ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

Вторая половина 1933. Париж

<...> Так вот о Федорове и моем отношении к нему. Меня зачисляют в ницшеанцы (Мережковский, напр^{имер}), в фейербахянцы (Тимашев, газета «Возрожд^{ение}»), в бергсонянцы, а Федотов писал в «Нов^{ом} Граде», что «это — религия государства»¹⁴ и пр. Вы меня почти зачислили в федоровцы. Конечно, все это неверно или верно лишь в какой-то небольшой доле. Я именно горжусь тем, что своей широкостью даю основания для таких разнообразных зачислений меня. О федоровстве я помещу статью в ближайшем н^ом^ере «Т^{ретьей} Р^{оссии}»¹⁵. Из нее Вы увидите, что меня с ним сближает, а что разделяет. Здесь же достаточно напомнить о таком немаловажном факте, как христианство. Неужели и это Вам ничего не говорит. Кроме того, для меня

проблема преодоления смерти — частный элемент в общей системе мирозерцания. Мое же *общее* мирозерцание прямо противоположно *общему* мирозерцанию Федорова. Вы делаете, Константин Александрович, ту логическую ошибку, которая в логике, кажется, называется ошибкой ложного обобщения. Помните пример? — и человек, и птица суть двуногие существа, значит ли это, что они существа тождественные. Вы спрашиваете — не из тактических ли соображений я заостряю свои нападки на федоровство. — Наоборот, из тактических именно соображений я вынужден всячески смягчать свою критику федоровства.

Видите, Константин Александрович, Вам дорого *имя* Федорова и Вы готовы пренебречь, может быть, не замечая того, интересами истины и даже того дела, которому Вы служите. Это ведь вечная опасность, подстерегающая всех «учеников». Помните, у Достоевского: если бы мне пришлось выбирать между Христом и истиной, то я предпочел бы Христа. Человек еще не скоро освободится от этой своей исконной слабости — воспринимать истину в антропоморфованном виде. К тому же ведь дело победы над смертью — это даже не идея, требующая культа, преклонения, а это именно дело, требующее своего выполнения, значит и подход нужен какой-то прагматический, а не религиозный. Вы же создаете нечто вроде секты, критиковать Вас уже нельзя, нужно или бороться, или обратиться. Мне же думается, что в этой проблеме, как именно *частной* проблеме, подход должен быть аналогичный традициям наук, где каждая теория рассматривается лишь как ступень на пути развертывания знания. Если бы Ваше отношение к федоровству было таким, тогда нам значительно легче было бы найти общий язык. <...>

К. А. ЧХЕИДЗЕ — П. С. БОРАНЕЦКОМУ

22 июня 1934. Прага

<...> Прочел в «Посл<едних> Новост<ях>», что Вы выступаете с докладом о Федорове¹⁶. Прошу Вас, если это возможно, прислать мне копию отчета, тезисы и пр. Надеюсь, «Всел<енское> Дело» произвело на Вас хорошее впечатление. Из сборника Вы узнали, что уже год существует федоровское отделение местного Музея¹⁷. В конце мая открыл фед<оровск>ую выставку, она должна будет тянуться 2 недели, но вот уже дважды ее продлили: закроем только в субботу 23—VI. Выставка имела успех, о ней писали в ряде больших газет («Народная Политика», «Нар<одны> Листы», «Венков», «Прагер Прессе» и пр.).¹⁸ <...>

